

ЛИТВА В РУССКОМ ЭПОСЕ

(К поэтике имен)

Н. МИТРОПОЛЬСКАЯ

Географические названия былин, внося локальную определенность, синтезируют в себе народные исторические представления и патриотические чувства. Они выступают как один из микроэлементов художественной структуры былин и имеют функциональную оправданность, подобно всякому другому образу в поэтическом произведении.

Ярким примером художественной роли географических названий в былинах является сложная поэтизация историко-географического понятия *Литва* в русском богатырском эпосе. Этот вопрос тем более вызывает интерес, что с точки зрения поэтики имен он никогда не затрагивался в научной литературе.

Из всех названий стран и местностей *Литва* — самый распространенный, многосюжетный и многофункциональный по художественному значению образ в былинах.

Так как собственные имена и географические названия имеют прочную связь с общим замыслом и с сюжетом былин, то прежде всего следует выделить, в каких же сюжетах упоминается Литва, а затем уже разобраться в характере и художественной роли этих упоминаний.

Популярность и содержательность этого имени-образа может быть представлена в следующей схеме, где условно обозначены и его роль, и характер детализации, и переход в поэтические формулярные выражения.

Изучение текстов былин позволило установить, что *Литва* встречается в основном в сюжетах о воинских столкновениях в борьбе за охрану и независимость русской земли и в сюжетах о сватовстве (условно отнеся сюда и былины, где сватовство — лишь один из эпизодов). В былинах же о борьбе с чудовищами, в новгородских былинах «Садко», «Василий Буслаевич» и во многих других сюжетах *Литва* никогда не упоминается.

Конкретно-исторические представления о Литве — о народе и о стране — складывались в русском эпосе веками, менялись в сложном переплетении судеб соседних народов и государств и нашли свое выражение в обобщенном эпическом имени-образе.

В записях XVIII—XX вв. былины часто сохраняют упоминание *Литвы*, *литовской земли*, *литовской страны*, *литовского королевства*. По

вариантам уточняются эпические определения¹. Это — *Западная сторона* или *Заморская страна*, в отдельных случаях — это *«Земля Задонецкая»* (Б.П. и З. б. 139), *«земляная Литва»* (Гильф. 6), *«каменная земля, золотая Литва»* (Б.С. 125), *«большая земля»* (Б.С. 114). В большинстве вариантов подбор эпитетов отличается резкостью, бескомпромиссностью, определенностью: *«Хоробрая Литва»* (Рыбн. 13, 42; Гильф. 97, 94, 102; Сок.-Чич. 97, 100, 102; Б. С. 11, 38, 46, 134; П.-С. 43) или *«во славну, в храбру Литву»*, *«во славну, вот эту хоробру Литву»* (Гильф. 81, 87; Рыбн. 9) и негативные определения — *«проклята»*, *«поганая»*, *«темная»* (Рыбн. 21, Гильф. 87, Сок.-Чич. 97), *«неверна земля»* (Б.П. и З. б. 122); в единичном варианте с Кулоя даже приняла на себя определения, относящиеся к социальным врагам — боярам (Григ. II, 2).

В эпическом образе-имени *Литвы* народ выразил максимум возможного обобщения исторических и бытовых представлений и наблюдений, берущих верх в длительном жизненном опыте, и создал широкое географическое обозначение, покрывающее народные представления о соседних странах, соприкасающихся с Русью в военных, политических и торговых делах. Так появилось исторически обусловленное слитное обозначение литовской силы, обступившей Киев или Чернигов, которая названа силой литовского князя и силой ляховицкого, польского короля, *«пановьями — улановьями»* и татарами. Их взаимозаменяемость и одновременное употребление встречаются и в одном и том же тексте.

Имя-образ *Литва* выступает в былинах в различной роли:

- как обозначение воинской силы;
- как название страны, куда отвозят дань и в результате военного столкновения (богатыри побеждают врага) освобождаются от этой записки;
- как место, где должен совершить трудный богатырский подвиг герой, — эту «службу» на него «накладывает» князь Владимир, а сам подвиг не описывается;
- как название страны, чей король или князь угрожает русскому городу или где рождается план военного похода, вопреки предостережениям князя;
- как косвенная характеристика силы и враждебности персонажа быliny;
- как место полона.

Невозможно выделить воинские быliny, где бы Литва была единственным географическим ориентиром, имеющим перечисленные выше функции. Так, например, в былинах о первой поездке Ильи Муромца (обычно в контаминации с былинной о Соловье-разбойнике) войско, обступившее Чернигов (Смоленец, Бекетовец и др. названия города), — это просто *«рать сила великая»* (Рыбн. 139), или *«пановья-улановья»* (Рыбн. 127), или *«наехала Литва»* (Рыбн. 116):

*Ехал он да до другой заставы,
До того до города до Кешева,*

¹ Все указания на источник фольклорных цитат даются сокращенно, цифра означает № быliny. Список сокращений в конце статьи.

- 40 Окружил около города да Кешева,
Рать сила великая, великая сила Литовская.
 Тут молодец призадумался:
Отдать город на развоеваньё —
Да от господа будет мне не спасенье,
 45 А от добрых людей не честь
хвала до молодецкая.

(Арх. Кар. ф. Кол. 17, № 92. Запись 1945 г. от А. А. Портнягина, 1867 года рожд., Пудожский район).

Но даже в тех случаях, когда сила названа литовской, богатырь сражается против врагов, именуемых татарами:

«Прирубил, пригубил всех татаровьев, Не оставил татарина на семена» (Там же).

Литва названа вместо татар или одновременно с ними в былинах о Калине-царе и о Камском побоище: *«Как на наш на стольный Киевград и на князя на Владимира Напала на него напасть великая — Наехала да хоробра Литва, Хоробра Литва, собака Калин-царь»* (Сок.-Чич. 106, Марков 81). *Литвой* иногда обозначена татарская сила в былинах о Василии Игнатьевиче (Григ. II, 2). Иногда из *Литвы* с военной угрозой наезжает Сокольник: *«А приехал тут от Заморья»* (Сок.-Чич. 4). Воинским столкновением заканчивается поездка с данями-выходами Добрыни и Василия Казимировича, и здесь наряду с *Литвой* фигурирует *«темная орда»* и татары, земля неверная, Сорочинская земля (Б.С. 134).

Тяжелую воинскую службу налагает князь Владимир на Добрыню, и он уезжает для выполнения этого задания в *Литву* (Б.П. и З. б. 98, 122) или *«в землю Подольску да Угорьску, дорогу туды почистить...»* (Б.П. и З. б. 33), в то время как в его семейной жизни происходят важные события, стоящие в центре внимания сюжета о Добрыне и о неудачной женитьбе Алеши Поповича. Иногда на Добрыню наложена *«служба великая»* *«побывать в Литве, во Чахове во Ляхове»* (Б.П. и З. б. 98).

Литва упоминается в связи с мотивом полона в поздней по времени образования былинах об отражении татарщины — *«Королевичи из Крыкова»*:

- 235 Увезли меня татары-ты поганые
Дай во ту во славну в хоробру Литву,
То возростили до полного до возрасту...
 240 Я повыхал на матушку святую Русь
Поискать себе отца-матушки,
Поотведать своего да роду-племени (Гильф. 87).

или — *«Тогда меня с батюшкой малого в полон взяли. В полон взяли, в Литву свезли»* (Гильф. 182).

Наконец, к воинской группе былинов с упоминанием *Литвы* относится былина — *«Наезд литовцев»* (о братьях Ливиках). Здесь завязка действия происходит в Литве и героями всегда выступают братья Ливики.

«Два ливика да литовских, два племянника королевских» (Гильф. 42). Витики, Витники, иногда — «два литничка» (Сок.-Чич. 17); при этом и здесь наблюдается отмеченная выше слитность их взаимозаменяемость наименований:

А й как у Чембала, короля у Литовского
А й как был столованьё почестен пир,
А для своих как для пановьев для улановьев.
(Гильф. 71).

Или «На Паневе было на Уланове жило было два брата, два Ливика» Рыбн. 152, Б. С. 152); На пиру «Во городе во литовском, у того ли короля они литовского панской силы оны, татарской порасхвастались» (П.С. 84)².

В таком же расширенном значении Литва, Литовская земля, литовские люди встречаются и в древнерусской литературе. В повести об осаде Пскова Стефаном Баторием говорится о «литовском воинстве», «литовских людях», «литовской силе», между тем известно, что пятидесятитысячная армия Батория, например, во время второго похода на Русь в 1580 г. собиралась в Литве и Польше, включала наемных солдат из Германии и Венгрии³.

Слитность собственных имен и их взаимозаменяемость связаны с исторической действительностью, с характером взаимоотношений Древней Руси с Литвой, Польшей и Ливонией. Однако трудно согласиться с мнением тех исследователей, которые относят упоминание Литвы именно к этому времени как следствие «поздне-московской» обработки былины⁴.

Само название Литвы как конкретно-исторического понятия могло быть внесено еще в XII—XIII вв. В длительном процессе развития былины исторические коллизии укрепляли тему Литвы в былинах, придавая

² О происхождении былины и ее содержании см. В. Я. Пропп, Изд. 2, с. 408—419. Поиски исторических прототипов приводили исследователей к различным гипотезам. А. В. Марков в статье «Историческая основа былины о князе Романа и литовских королевичах» (Этнографическое обозрение, 1905, кн. 11—12) видит в них племянника великого князя Миндовга (Миндаугаса) — Эрдивила и князя Зивибунда. В такой трактовке имен понимание исторической основы былины перешло и в зарубежные исследования. Р. Траутманн также называет прототипами Эрдивила и Зивибунда, ссылаясь на наличие их имен в Ипатьевской летописи и в польской хронике Стржиковского. Речь идет о хронике M. Strzykowski. Kronika polska; Litewska, Zmódská i Wszystkie Rusi. Warszawa. 1766. См. Reinhold Trautmann. Die Volksdichtung der Grossrussen. I Band. Das Heldenlied (die Byline). Heidelberg, 1935, стр. 273—274. У исследователей нет единого мнения ни о происхождении былины, ни об исторических параллелях к ней. Так, образ Романа связывают с историческими воспоминаниями о князе Романа Галицком (конец XII века) или Романа Брянском (вторая половина XIII века). В. П. Аникин рассматривает былину о братьях Ливиках как проявление областных тенденций в истории эпоса и считает брянской былиной о князе Романа и литовских королевичах, точно воспроизводящей отношения Литвы и Ливонии, Литвы и Руси в XIII веке. — В. П. Аникин. Русский богатырский эпос. М., 1964, с. 158—160.

³ Русские повести XV—XVI веков, Составитель М. О. Скрипель, ГИХЛ, М.-Л., 1958, с. 124—166.

⁴ Д. М. Балашов. Из истории русской баллады. Русский фольклор, Т. VI, 1961, с. 284.

ей новое осмысление. Здесь можно видеть отклики на жизнь западно-русских областей (XII—XIII вв.), на давние торговые и культурные сношения (и лишь как одно из проявлений их развития — подписание в 1523 г. между Польско-Литовским государством и Москвой договора о взаимной охране свободы въезда и отъезда купцов). С другой стороны, здесь сказалась народная оценка известных событий военной истории и постепенного усиления «латинизации».

Характерно, что само наименование нигде не искажается и не подвергается народно-этимологическому толкованию. Оно всегда передано точно. Имеющиеся незначительные вариации могут быть объяснены особенностями русского языка. Так, наименование «*политовский король*» (Гильф. 6, 12, 40) соответствует распространенному в устном народном языке усилению значения принадлежности с помощью приставки «по» типа «*повсюдный*», «*повсерадостный*», «*повсеместный*», «*повесенный*»; редкое — «*Король Литовский*» (Гильф. 22) является фонетическим диалектизмом, выраженным заменой звука «в» звуком «м», подобно. «*внук*» — «*мнук*», «*давно*» — «*дамно*», «*ровно*» — «*ромно*»⁵.

В таком же точном наименовании *Литва* выступает и в былинах о сватовстве.

Обобщением историко-бытовых наблюдений является постоянное и мало варьируемое приурочивание к Литве мотива сватовства невесты для князя Владимира или поисков невесты для богатыря: Добрыня и Дунай едут за невестой «*во славну Литву*» (Рыбн. 9); к *Литовскому князю великому* (Гильф. 125), «*Ко царству ко Литовскому*» (Б.С. 38), к *королю Ляховинскому* (Григ. II, 5); «*Я же знаю тебе невесту не во славном городе во Киеве, а в Литве*» (Б.П. и З. б. 102).

Эта обычная для эпоса ситуация, когда богатырь едет за невестой в Литву, имела свои бытовые реалии и настолько упрочилась в устном народном творчестве, что в былине о Соловье Будимировиче, где по характеру сюжета заморский гость приезжает в Киев за невестой, в печорских вариантах все действие переносится по географическим обозначениям в Литву (Онч. 8; Б.С. 67; Б.П. и З.б. 36):

25. На том на корабле на черленном
Бежит тут Соловей Будимирович.
Бежит он во землю во Литовскую
К тому же королю ко литовскому,
Он не торги торговать,
не житьем пожить,
30. А о добром о деле о
сватовстве.

(Б. С. 67)

Иван Годинovich не хочет жениться у себя и выбирает себе невесту в чужой стороне, часто «*у короля свет Литовского*» (Сок. Чич. 153), в *Литве* (Марков, 78); Потык посылается в Литву *выполнить* трудное

⁵ В. Даль. Толковый словарь русского языка. Т. I, М., 1955, с. XII.

задание или в другую, часто *Заморскую землю* (или просто на охоту), там происходит его встреча с Марьей Лиходеевной — иноземкой. Ее похищает и увозит иноземный король в свое королевство. Здесь также встречаются названия — «*Политовское государство*», «*земля Польская*» (Рыбн. 196).

Но *Литва* в этих былинах выступает не только как место, откуда привозят невесту для князя Владимира или жену для богатыря, но и как место службы богатыря. Своею длительной — «*Лет двенадцать у него стольничал*» (Киреевский, III, стр. 18) — службой у литовского князя или *во городе во Ляхове* (Григ. т. II, 33) и любовью к его дочери гордится Дунай, к нему богатырь и едет за невестой для князя:

*А седлали уздали добрых коней,
Да и поехали...*
80 *Ко тому ли королю храбру-литскому
А й о добром деле о сватовстве
Приезжают-то они в хоробру Литву.*
(Гильф. 102).

У некоторых сказителей поездка в Литву приписывается Илье Муромцу:

*Отправлялся наш старый казак Илья Муромец
К тому ли-то королю Литомскому.*
90 *Посмотреть его дочери любимой...*
А женить ему нужно братца нунь крестового.
(Гильф. 22).

Популярность былин о сватовстве и реальные историко-бытовые наблюдения превратили эпический образ *Литвы* в символический образ дальней страны, которая всегда характеризуется отдаленностью — «*А расстояние туда есть полномерное*» (Гильф. 100), куда герой отправляется на службу, спасается от гнева князя или жены, уезжает выполнять трудное задание и даже отправляется с челобитной (Рыбн. 159). В былине балладного типа «Молодец и Королевна» («Молодец и худая жена») тоже подчеркнута отдаленность страны: в самой ранней известной ее записи XVIII века читаем: «*Гулял молодец по Украине ровно тридцать лет и три года, загулял молодец к королю в Литву*» (Былины в записях, 53). Этот образ устойчиво сохраняется в разновременных записях:

*Сошел молодец из орды в орду,
Из орды в орду, из земли в землю,
Из земли в землю, да к королю в Литву,*
45 *В землю большую — королю литовскому.*
(Б. С. 114).

Служба в «хороброй Литве» заменяется по вариантам службой у короля польского (Гильф. 162), у прусского (Гильф. 363), у датского и у шведского (Гильф. 311, 314) и изображается в наивных, подчеркнuto идеализированных тонах: «Во любви держит меня у сердечушка» (Гильф. 97); «да ведь ел да пил да с одного судка» (Гильф. 127).

Особенно популярно упоминание Литвы в Онежских, Печорских и Беломорских вариантах. Оно привносится в былин о Дюке (пребывание в Литве — показатель «бывалости» и зрелости богатыря — П.-С. 60), в былин о Сорока каликах (к Литовскому королю забрели калики — Рыбн. 13). Как противопоставление «своему городу» упоминается Литва в некоторых других былинах. В былине о Добрыне и Алеше князь Владимир угрожает: «Ежели не идешь за смелого Олешу Поповича во свой город во Киев, так отдам тебя во землю Литовскую за Мурзу-татарина» (Рыбн. 129); в былине о Ставре богатырь иногда уговаривает жену «уехать на уезд» от князя Владимира (Сок.-Чич. 110) или предлагает: — «Уедем мы во землю Политовскую! Говорит Василиса дочь Микулична: — Не есть хвала добру молодцу Тебе воровски из Киева уехати» (Рыбн. 30). Спасая Ставра, его жена выдает себя за посла Золотой Орды (Б. С. 35) и посла Литовского князя или Короля Ляховитского (Гильф. 7).

Случайные для того или иного сюжета привнесения данного географического обозначения обязательно мотивированы либо воинским характером, либо темой сватовства. Так, в былине о Сорока каликах упоминание *Литвы* является своеобразием отдельного варианта, но и здесь оно мотивировано тем, что калики, которые забрели «под косявчато окошечко» к Литовскому королю, скорее напоминают воинов: «Говорил король таковы слова: — Не калики есте перехожие, есте вы русские могущие богатыри» (Рыбн. 13), и они получают соответственный прием:

55 — Ай ты славный король литовский!
Да й умел калек кормить, поить,
Да й умел дарить-то дары драгоценные!

(Гильф. 86).

В былинах о сватовстве, где местом действия названа Литва, тоже упоминаются татары. Но их роль и само появление носят иной характер, нежели в былинах о воинских столкновениях на тему защиты Родины и ее независимости.

В былинах, развивающих тему нашествия, дане-податей или плона, когда выступает литовская сила, а богатырь сражается и побеждает татар, — действительно, можно говорить о «спрессованности» исторических имен и событий в эпосе, о вытеснении одних противников другими или об их эмоциональном сосуществовании.

Постоянное присутствие татар у Литовского князя, к которому приезжает богатырь за невестой, имеет совершенно другую, конкретно-реальную основу.

Княжеский замок, покои дочери Литовского князя в былинах охраняются татарами: Иван Годинович, приехав в Литву за невестой, узнает от Литовского князя:

*И засажона у мене, засажона
моя дочь да дочь любимая
Ише та ли Настасья Митреяновна,
Она за семьдесятю семью замками
все заморским,
135 А у каждого замку стоит по сторожу,
Что по сторожу стоит по татарину.*

(Б.П. и З.Б. 104).

Богатырь расправляется с княжеской охраной, состоящей из татар.

Перед нами пример точной детализации, имеющей реальную основу. Со времен великого литовского князя Витовта (1350—1430) была учреждена личная охрана из татар, вывезенных им с юга во время войны за Южную Подолию, и устроены в Литве татарские поселения (что сохранилось и в некоторых современных топографических названиях).

Популярность *Литвы* — и в реальных жизненных обстоятельствах и в народной устной поэзии — привела к рождению постоянных эпитетов: «У шубы были пуговицы все золоты, и того все золота литовского» (Григ. т. II, 2) или «А бока сведены по-туриному, того ли тура заморского, заморского тура литовского» (Рыбн. 149) и поэтических формул с географической символикой:

- Ты коей земли да ты коей Литвы (Гильф. 77);
- Ты коей орды, ты коей Литвы (Рыбн. 184);
- Не царь еде с ордой, не король с Литвой
(Гильф. 229);

— А и нету у нас царя в орде, короля в Литве
(Кирша Данилов, 26);

- Да вы подьте, цари по своим землям,
Да вы короли по своим Литвам
(Гильф. 221, Сок.-Чич. 209).

Во многом утратив свои связи с конкретным, единственно возможным историко-географическим образом, имя вошло в поэтические формулы, сохранив способность вызывать определенные представления об эпическом образе литовской земли.

Февраль, 1973

Вильнюсский гос.
университет им. В. Касюкаса

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Аарне-Андр. — Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929.
- Архив ф. т. — Фольклорный архив кафедры русской литературы Вильнюсского государственного университета им. В. Капсукаса (Материалы фольклорных экспедиций 1960—1972 гг.).
- Арх. Кар. ф. — Архив Карельского филиала АН СССР г. Петрозаводск. Фонд 1, оп. 1 (Русский фольклор).
- Б.С. — А. М. Астахова. Былины Севера, Т. I. Мезень и Печора АН СССР, М.-Л., 1938; Т. II, Прионежье, Пинега и Поморье, изд. АН СССР, М.-Л., 1951.
- Б. и Ю. Сок. — Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.
- Б. П. и З. б. — Былины Печоры и Зимнего берега. Составители А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. Изд. АН СССР, М.-Л., 1961.
- Былины в записях — Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. АН СССР, М.-Л. 1960.
- Вс. М. — Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908.
- Гильф. — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Изд. 4, т. I—III, М.-Л., 1949—1951.
- Григ. — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. I, М., 1904; т. II, Прага, 1939, т. III, СПб, 1910.
- Гуляев — Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова. Новосибирск, 1952.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1—4, М., 1860—1862.
- Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго. М., 1938.
- Крюкова — Былины М. С. Крюковой. Запись и комментарий Э. Бородиной и Р. Рипец. Т. I, М., 1939; т. II, М., 1941.
- Марков — Беломорские былины, записанные А. Марковым, М., 1901.
- Онч. — Н. Е. Ончуков. Печорские былины, СПб, 1904.
- Песенный фольклор Мезени — Песенный фольклор Мезени. Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Кортузалов. Изд. «Наука», Л., 1967.
- Песни Кар. Поморья — Русские народные песни Карельского Поморья. Составители А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Изд. «Наука», Л., 1971.
- Песни Печоры — Песни Печоры. Издан. подготов. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. Изд. АН СССР, М.-Л., 1963.
- П.-С. — Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статьи и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.
- Рус. нар. быт. лирика — Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера. В записях В. Г. Баланова и А. П. Разумовой. Изд. АН СССР, М.-Л., 1962.
- Рыбн. — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, т. I—III, М., 1909—1910.
- Соболевский — Великорусские народные песни, изданные проф. А. И. Соболевским. Т. I—VII, СПб, 1895—1902.

LIETUVA RUSŲ EPE

(Apie vardų poetiką)

N. MITROPOLSKAJA

Re z i u m ė

Lietuvos vardo-paveikslo poetinė reikšmė peržengia istorinius-geografinius rėmus. Tai — kaimyninio krašto ir tiesiog tolimos šalies epinis paveikslas; jis įgauna estetinę funkciją, įeina į poetinių formulių sudėtį.

LITHUANIA IN RUSSIAN EPOS

(On the Poetics of Names)

N. MITROPOLSKAJA

S u m m a r y

The image of the poetical name Lithuania (Lietuvos) extends far beyond historical and geographical borders. It is an epic image of a neighbouring or even a far remote country. The image acquires aesthetic function and becomes a part of poetical formulae.